

РАЗДЕЛ 5. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

УДК 811.161.1'373.45:811.581
ББК Ш141.12-32+Ш171.1
DOI 10.26170/pl19-06-26

ГСНТИ 16.21.45

Код ВАК 10.02.01

Ли Сыци

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

ORCID ID: 0000-0002-1438-5306

 E-mail: sytsil@mail.ru.

Общественно-политическая лексика китайского происхождения в русском языке

АННОТАЦИЯ. Данная работа посвящена изучению семантических особенностей и деривационного потенциала общественно-политических слов китайского происхождения, а также специфики их функционирования в русском языке. В данной работе представлено 28 заимствований с общественно-политической семантикой, зафиксированных в словарях русского языка и используемых в интернет-ресурсах. Методология исследования базируется на функциональном подходе к языковым единицам, сущностью которого является их осмысление и систематизация путем сочетания семасиологического анализа (от формы — к значению) с ономазиологическим (от значения, содержания слов — к их функции). Первый вид анализа применяется на начальном, структурно-семантическом этапе исследования дериватов, а второй — при изучении особенностей их функционирования в русском языке. Помимо собственно лингвистических, в работе используется также количественный метод. В статье разработана семантическая классификация общественно-политической лексики, пришедшей в русский язык из китайского языка; проанализированы особенности адаптации данных лексических единиц на разных уровнях языка: фонетическом, семантическом и словообразовательном. Установлено, что на базе этих лексем в современном русском языке образовано 56 дериватов; охарактеризована их словообразовательная структура и семантика каждого из них. Полученные данные свидетельствуют о том, что реализация деривационного потенциала заимствований связана со степенью актуальности обозначаемой реалии Китая для русскоязычного сообщества. Так, выявлено, что личное имя «Мао Цзэдун» в ряду рассматриваемых заимствований обладает самой высокой деривационной способностью (20 дериватов). В работе проанализированы, кроме того, особенности функционирования интересующих нас слов в разных сферах коммуникации — большая их часть употребляется в прямом значении, в ряде случаев развивая терминологичность. Тем не менее в публицистическом дискурсе эта лексика способна отражать отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общественно-политическая лексика; русский язык; китайский язык; китаизмы; лексическая семантика; заимствование слов; функциональный динамизм; заимствованные слова; иностранные слова; заимствованная лексика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ли Сыци, аспирант, аспирант кафедры русского языка как иностранного, институт филологии и межкультурной коммуникации, Казанский (Приволжский) федеральный университет; 420008, Россия, Казань, ул. Татарстан, 2; e-mail: sytsil@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Сыци. Общественно-политическая лексика китайского происхождения в русском языке / Ли Сыци // Политическая лингвистика. — 2019. — № 6 (78). — С. 205-213. — DOI 10.26170/pl19-06-26.

В последние годы в связи с расширением взаимодействия между народами, обусловленным глобализацией, непрерывно происходит процесс проникновения слов из одних языков в другие. В условиях углубления контактов и укрепления дружественных связей между Россией и Китаем в русский язык начали активно проникать названия китайских реалий, функционирующие в разных сферах: политике, экономике, философии, культуре и др. Объектом данного исследования стала общественно-политическая лексика (далее — ОПЛ) китайского происхождения, под которой мы подразумеваем не только собственно заимствования, но и антропонимы, тематически примыкающие к этой группе, а также их дериваты, образованные на почве русского языка. Пред-

метом анализа являются словообразовательные, семантические и прагматические свойства этих слов.

Цель данной работы — выявление деривационно-структурных и деривационно-семантических особенностей ОПЛ китайского происхождения в русском языке и специфики ее функционирования в разных сферах общественной коммуникации. Актуальность нашей работы определяется следующими факторами: возрастание роли китайского языка в качестве нового активного языка-источника в формировании современной лексической системы русского языка; увеличение интереса к феномену лексики китайского происхождения в русском языке, отражающей политические реалии Китая; значимость комплексного исследования особен-

ностей ее включения в русскую языковую систему. В немалой степени актуальность исследования определяется проявившейся в последние годы тенденцией к упрочению политических, торгово-экономических и культурно-образовательных связей между Россией и Китаем.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) осуществить выборку лексики, обозначающей китайские общественно-политические реалии, из словарей русского языка и разнообразных интернет-ресурсов; 2) разработать классификацию заимствованных слов по типу обозначаемого; 3) проанализировать специфику их адаптации в русском языке; 4) выявить дериваты изучаемых слов, охарактеризовать способы формирования и семантику этих дериватов; 5) рассмотреть особенности их функционирования в современной коммуникации.

В словарях русского языка (НСРЯ-2000, НСИСИВ-2003, ТСИС-2006, ССИРЯ-2010 и др.) и разнообразных интернет-источниках (НКРЯ, «Яндекс», «Гугл», форумы и др.) мы обнаружили 28 лексических единиц китайского происхождения с общественно-политической семантикой. По типу обозначаемого эти слова можно разделить на следующие группы:

1) личные имена общественно-политических деятелей: *Дэн Сяопин*, *Ли Шиминь*, *Линь Бяо*, *Мао Цзэдун*, *Си Цзиньпин*, *Сун Цзинлин*, *Сунь Ятсен*, *Цзян Цзэминь*, *Цяньлун*, *Ху Цзиньтао*, *Чан Кайши*, *Чжао Цзыян*;

2) наименования общественно-политических сообществ: *баохуанхой*, *гэлаохой* (*гэдихой*), *ихэцзюань* (*ихэтуань*₁; фиксация трех значений у китайского заимствования «ихэтуань» связана с возможностью метонимического использования исходного слова, выступавшего в качестве названия тайного сообщества: *ихэтуань*₂ — восстание под руководством этого сообщества, *ихэтуань*₃ — участник этого восстания);

3) наименования политических партий, армий, событий, учреждений, артефактов, систем управления (по одному слову соответственно): *Гоминьдан*; *гоминьцзюнь*; *ихэтуань*₂; *ямьинь/ямэнь*; *дацзыбао*; *баоцзя*;

4) нарицательные наименования лиц — общественно-политических деятелей: *даоминь* (*даотай*), *ихэтуань*₃, *мандарин*, *тайпинг(у)/тайпин(ы)*, *хунвэйбин(ы)* (орфографический вариант: *хунвейбин(ы)*), *хунхуз(ы)*, *цаофань(у)*.

При заимствовании слов из китайского языка используется в первую очередь транскрипция, т. е. «способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи» [Языкознание 1998: 517], что обусловлено иероглифическим характером

китайской письменности. Некоторые интересные нас единицы ОПЛ существуют в русском языке в двух орфографических и, соответственно, фонетических вариантах. Это объясняется тем, что при заимствовании одной и той же лексемы могут быть использованы разные способы. Так, например, слово *тайпин* (太平 — taiping) заимствовано путем кириллической транскрипции слова из официального китайского языка, тогда как вариант *тайпинг* возник путем транслитерации английской лексемы китайского происхождения *Taiping*. Кроме того, если какая-то общественно-политическая реалья имеет в китайском языке два названия, в русский язык могут перейти обе номинации: *гэлаохой* и *гэдихой*: *гэлаохой* („Общество старшего брата“) или *гэдихой* („Общество братьев“) — *тайные антиманьчжурские общества, возникшие в Китае во 2-й пол. 17 в.*» [НСИСИВ-2003: 254]; *даоминь* и *даотай*: *даоминь* — 1) *чиновник в Китае, ведающий какую-л. отраслью управления в провинции*; 2) *специальный уполномоченный для сношений с иностранными консулами в договорных портах*; *даотай* — см. *даоминь* [СИС-1933: 334—335]. Объяснить существование в русском языке лексемы *ямьинь* [НСИСИВ-2003: 973] как варианта более распространенной номинации *ямэнь* довольно трудно, поскольку эта огласовка не соответствует правилам общепринятой системы транскрипции с китайского языка на русский.

Попадая в систему русского языка, ОПЛ китайского происхождения неизбежно подвергается адаптации. Как справедливо отметил А. В. Суперанская, «становясь словами нового языка, транскрибированные единицы должны прежде всего получить признаки определенной части речи, к которой они присоединяются, и способность функционировать в речи...» [Суперанская 1978: 223]. Ассимиляция иноязычных слов постепенно происходит на разных языковых уровнях: воспроизведение этих слов в фонетической, графической и грамматической форме заимствующего языка, их дальнейшая грамматическая и лексическая адаптация, развитие деривационного потенциала этих слов и т. п. Нами выявлены некоторые особенности освоения ОПЛ китайского происхождения в русском языке. Охарактеризуем их.

1. Фонетическая и графическая адаптация

Фонетическая адаптация представляет собой процесс передачи иноязычного слова с помощью звуков русской фонетической системы [Маринова 2012: 161]. Е. В. Маринова подчеркивает, что графическая адаптация — изменение буквенного состава лек-

сической единицы в русском языке — является важным этапом в процессе освоения иноязычных слов, в связи с тем что для подавляющего большинства иноязычных слов, проникающих в русский язык, русское письмо, с его исконным кириллическим алфавитом, оказывается чужеродной средой [Там же: 162—163]. Названия, обозначающие общественно-политические реалии Китая, передаются в русском языке на письме не в иероглифической форме, а с помощью кириллической графики в соответствии с их произношением. Так, слово 义和拳 произносится как «Yì hé quán», и в русском языке оно закрепилось в соответствующей фонетической огласовке и орфографической форме — *ихэцюань*. В отличие от русского языка, в китайском языке отсутствует ударение в слове, но существует фразовое ударение, т. е. феномен ударности реализуется в речи по выделению определенного слова с помощью тона. Однако, попадая в русский язык, заимствованные из китайского языка слова неизбежно получают ударение, как правило, «в словах, пришедших в русский язык из китайского языка, ударение ставится на конце» [ССИРЯ-2010: 23]: *Гоминьдан*, *дацзыбао* и др.

2. Грамматическая адаптация

В процессе грамматической адаптации иноязычное слово «приобретает те грамматические особенности, которые присущи словам национального языка» [Бельчиков 1959: 60]. Когда система языка-источника сильно отличается от языка-реципиента, процесс грамматической адаптации более заметен. Общеизвестно, что китайский и русский языки имеют разные системно-типологические особенности. В китайском языке слова не имеют рода и падежа, но в результате ассимиляции в системе русского языка заимствованные слова получают эти грамматические характеристики: *Гоминьдан* (-а, м. р.), *баоцзя* (нескл., с.) [Грамота.ру]. Однако изменение по падежам свойственно не всем заимствованным словам — некоторые слова, оформленные финалью на гласный, не склоняются: *Чан Кайши* [ССИРЯ-2010: 804], *дацзыбао* [ТСИС-2006: 230]. Женские иноязычные фамилии и имена также не склоняются: *Сун Цинлин* (кит. гос. и общ. деятель; жена Сунь Ятсена) [ССИРЯ-2010: 694]. Необходимо подчеркнуть, что в некоторых случаях при заимствовании иноязычных слов в русский язык может меняться частеречная принадлежность слова. Например, существительное *цзаофани* произошло от китайского глагола 造反 — *zàofǎn* (бунтовать).

3. Семантическая адаптация

Сущность семантической ассимиляции иноязычного слова заключается в процессе уточнения и развития его лексического значения в русском языке. В большинстве случаев при переходе в русский язык исходное значение слова сохраняется, но некоторые слова подвергаются семантической трансформации. Изменение семантической структуры иноязычных слов носит, как правило, закономерный характер: «происходит сужение, расширение и переосмысление их значений» [Гилязетдинова 2010: 24]. Только два слова из рассматриваемых единиц китайского происхождения претерпели преобразование лексического значения в результате метонимии: слово *цзаофани*, которое закрепилось в русском языке в значении «*участники отрядов, созданных в Китае в 60-е гг. 20 в. во время «культурной революции», использовавшихся вместе с хунвейбинами для расправы с политическими и общественными деятелями*» [НСИС-2003: 725], восходит к китайскому глаголу 造反 (*zàofǎn*) со значением действия — бунтовать.

В процессе дальнейшего развития слов китайского происхождения в русском языке они могут употребляются не в заимствованном значении, а в результате метонимии или метафоризации приобретают новое лексическое значение.

Так, слово *дацзыбао* зафиксировано в словаре в значении «настенный рукописный плакат или листовка в Китае 50—70-х гг. (особенно распространенный в годы так наз. «культурной революции»)» [ТСИС-2006: 230]. В современных интернет-источниках вследствие метонимии оно получило дальнейшее семантическое развитие: так, в одном из зафиксированных нами примеров это слово выступает в качестве результата ассоциации по содержательному сходству, обозначая агрессивные призывы, причем в контексте отсутствует пространственно-временная привязка, ср.: *...на сайте „Политнавигатор“ размещена статья под названием „Дацзыбао по Крыму“, посвященная новостям об издании сборника „Политика в отношении Крыма. Рекомендации“ на Украине* [Александр Ростовцев 2018]. Метонимия может быть построена также на ассоциации по формальному сходству соответствующих реалий; в этом случае слово *дацзыбао* употребляется в значении «*большая стенная газета, афиши, листовки*»: *Признание в любви прямо на магазине в формате Дацзыбао* (название статьи) [Виртуальный Брест 2017].

По данным лексикографических источников, слово *хунвейбины* обозначает «моло-

дежные отряды, сформированные в Китае в 1966 г. для проведения так наз. „культурной революции“» [ТСИС-2006: 864]. Как известно, культурная революция в Китае произошла в 1966—1976 г., это «идейно-политическая кампания, развернутая Мао Цзэдуном под лозунгом борьбы с „ревизионизмом“ и „остатками буржуазии в партии, правительстве и армии“» [БРЭ 2010: 318]. Первый этап революции — выступления хунвейбинов, отличавшихся крайней жестокостью, поэтому при употреблении в русском языке слово *хунвейбин* может обозначать человека, который пренебрегает культурными традициями и правами человеческой личности. Так, в комментариях к посту под названием «Некультурные „культурные пассажиры“» слово *хунвейбин* используется в метафорическом значении, критически оценивая представителей нового общественного движения «Культурные пассажиры», нарушающих, по мнению автора, права человека, ср.: «*всех этих хунвейбинов эпохи информационного общества цель одна — захайпиться за счет публичного унижения тех или иных людей, и все это прикрывается за незатейливым фасадом полезной общественной деятельности* [Aurelian1988 2017].

4. Словообразовательная адаптация

Словообразовательная адаптация — это приспособление заимствованных слов к законам русского словообразования и активизация их деривационных возможностей. Не все интересующие нас слова китайского происхождения подвергаются словообразовательной ассимиляции, в отличие от адаптации фонетической, графической и грамматической. Реализация словообразовательного потенциала заимствованных слов является исключительно важным свидетельством глубины их вхождения в систему русского языка. Нами установлено, что базой для словопроизводства в русском языке послужили 19 лексических единиц, на основе которых образовано 56 дериватов. Охарактеризуем способы и средства образования производных лексем:

1) **суффиксальный** способ, с помощью которого образуются:

а) существительные с суффиксами: **-изм** (со значением ‘идеологическое направление, связанное с собственным именем лица или со значением названий направлений, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным’; толкования значений словообразовательных средств здесь и далее приводятся по «Русской грамматике» (ст. 123—452) [Русская грамматика 1980]): *дэнсяопинизм, маоизм,*

сицзиньпинизм, суньятсенизм, чанкайшизм; ихэтуанизм, тайпинизм, хунве(э)йбинизм; -ист (со значением ‘лицо по принадлежности к идеологическому направлению, названному мотивирующим словом’): *дэнсяопинист, маоист, маоцзэдунист, суньятсенист, чанкайшист; -овец* (со значением ‘лицо, названное по принадлежности к партии’ или ‘лицо, названное по принадлежности к общественному течению, связанному с именем лица, названного в основе мотивирующего прилагательного’): *гоминьдановец; маоцзэдуновец; -ец* (со значением ‘лицо, названное по принадлежности к организации или группировке’): *ихэтуанец; -ация* (со значением ‘отвлеченный процессуальный признак’): *маоизация; -к(а)* (со значением ‘женскость’): *хунве(э)йбинка; -овк(а)* (со значением ‘предмет, характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом’): *маоцзэдуновка; -щин(а)* (со значением ‘признак, мотивированный именами и фамилиями исторических деятелей, нарицательными названиями лиц или названиями организаций, обычно с оттенком неодобрения’): *маоцзэдуница, хунве(э)йбинщина, гоминьдановщина;*

б) прилагательные со значением ‘относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим’ образуются с помощью суффикса **-ск(ий)/-овск(ий)**. В качестве мотивирующих слов выступают: а) собственные личные имена и фамилии: *дэнсяопинский, линьбяоский, маоцзэдунский, сицзиньпинский, цзяньлунский, чанкайшиский;* б) нарицательные существительные со значением лица, принадлежащего к какому-то идеологическому течению: *маоистский, маоцзэдуновский, суньятсенистский, чанкайшистский;* в) нарицательные существительные, называющие лицо по роду деятельности, профессии: *ихэтуаньский, мандаринский, тайпинский, хунве(э)йбинский, хунве(э)йбиновский, хунхузский, цзаофаньский;* г) однословные названия партий, армий, обществ и учреждений: *гоминьдановский, гоминьцзюньский, ихэцюаньский, ямыньский;*

в) глагол со значением ‘совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным’, образованный с помощью суффикса **-ирова-**: *маозировать;*

2) **префиксальный** способ, при котором используются такие префиксы, как **анти-** (со значением ‘направленный против того, что названо мотивирующим словом’): *антимаоизм, антимаоист, антимаоистский, антилиньбяоский; нео-* (при добавлении к существительным или прилагательным образует слова со значением ‘новый, современный’): *неомаоизм, неомаоист, неомаоистский; пост-* (со значением ‘совершающийся или

совершившийся после того, что названо словом): *постдэнсяопинский*;

3) способ **сложения**, с помощью которого в русском языке образованы прилагательные, семантика которых указывает на связь с политическим течением, уточненную временным компонентом: *раннемаоистский*; *позднемаоистский*.

По правилам русского словообразования (приставочно-суффиксальным способом) на основе имен собственных китайского происхождения были образованы также наречия, мотивированные соответствующими прилагательными: *по-маоцзэдунски*, *по-сицзиньпински*.

Проведенные исследования показывают, что наибольшим словообразовательным потенциалом в рассматриваемой группе слов китайского происхождения обладает личное имя **Мао Цзэдун**, на основе которого образовано 20 слов, в том числе десять существительных, семь прилагательных, один глагол и одно наречие, три из которых зафиксированы в словарях русского языка, а именно *маоизм*, *маоист*, *маоистский* [ТСИС-2006: 461]. Это свидетельствует об актуальности реалии, обозначаемой китайской лексемой, высокой степени ее известности в русскоязычном сообществе.

Китайские общественно-политические лексемы тесно связаны с социальными, общественными, политическими и историческими реалиями Китая, их денотаты носят национально обусловленный специфический характер, поэтому эти лексемы являются безэквивалентными в русском языке. Однако существует исключение, когда какой-либо компонент лексического значения исконно китайского слова совпадает с одним из значений исконно русского слова. Так, *造反* — иностранный прототип заимствования *цаофани* — содержит в себе сему 'бунтовать', ввиду чего носители русского языка используют слово «бунтовщики» в качестве синонима к слову *цаофани*: *В борьбе с переродившейся политической элитой руководства КПК Мао Цзэдун апеллировал к народу, ударными силами по искоренению новой бюрократии стали отряды студентов — хунвэйбинов („красногвардейцев“) и рабочих — цзаофани („бунтовщиков“)* [Багдасарян, Сулакшин 2011: 164]; *(Культурная) Революция делалась руками миллионов подростков. Прежде всего школьников и студентов первых курсов. Они и называли себя „хунвэйбины“ — „солдаты красной охраны“. Еще были цзаофани — „бунтовщики“, молодые рабочие* [Дмитрий Косырев 2011]. Кроме того, китайское слово может также иметь омоним в русском языке: ср.

слово *мандарин* в значении 'название чиновника высокого ранга в феодальном Китае' и его омоним в значении 'цитрусовое плодородное дерево, а также его плод' [ТСИС-2006: 458].

ОПЛ — это отражение и факт истории общественно-политической жизни государства. Изменения в общественно-политической жизни Китая, актуализация денотата, безусловно, оказывают влияние на судьбу китайской ОПЛ. Многие такие слова вышли из активного употребления вследствие того, что обозначаемые предметы и явления исчезли из современной действительности. Например, слово *даоминь (даотай)* — название чиновника во время династии Цин, а после распада цинской империи эта должность была отменена; соответственно ее номинация *даоминь (даотай)* получила статус историзма и ушла на глубокую периферию русского литературного языка. Подобный процесс испытали многие слова, в том числе историзмы-антропонимы, например: *баогуанхой*, *гэлаохой (гэдихой)*, *гоминьцзюнь*, *Ли Шиминь*, *ихэцюань*, *ихэтуань*, *ямьинь/ямэнь* и т. п. Они также являются объектом анализа в данной статье.

Китайские заимствования с общественно-политической семантикой и их дериваты охватывают разнообразные реалии Китая. В их число входят личные имена и нарицательные названия общественно-политических деятелей и соответствующих идеологических течений, наименования их последователей, названия партий, ассоциаций и лиц по принадлежности к ним и др. Одна из главных сфер функционирования слов с общественно-политическим значением — наука. В собственно научной, научно-популярной и справочной литературе (энциклопедии, монографии, статьи, учебники), посвященной истории и политике Китая, нарицательные имена, называющие китайские реалии, употребляются, как правило, в прямом значении, в ряде случаев подвергаясь терминологизации, ср. китаизмы *Гоминьдан* и *суньятсенизм* в следующем примере: *Он (Мао Цзэдун) смог увидеть, что именно в это время Гоминьдан вновь потянулся к идейному наследию Сунь Ятсена, но в то же время он правильно оценил невозможность для Гоминьдана удержать в руках знамя революционного национализма, знамя суньятсенизма. Чанкайшистскому Гоминьдану это было не по плечу...* [Меликсетова 2002: 569]. Однако слова этого типа могут получать отрицательную коннотацию, в том числе путем использования стилистически маркированных словообразовательных моделей. Так, например, в моно-

графии В. Н. Усова «Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века» дериват *гоминьдановщина* представлен в ряду русских слов с отрицательной семантикой, что отражает внутривнутрипартийную борьбу в Китае того времени: *Среди политических, практических и бытовых извращений в жизни ячейки КУТК были названы следующие: гоминьдановщина, ликвидаторство, упадничество, правоуклонистские взгляды в вопросах положения в Китае и задачах КПК...* [Усов 2011: 22].

Кроме того, ОПЛ китайского происхождения часто используется в официально-деловой сфере, преимущественно в исторических и дипломатических документах. Так, в «Депеше посланника в Пекине» (1900 г.) М. Гирс написал тогдашнему министру иностранных дел Российской империи графу Михаилу Николаевичу Муравьеву: «...Вызвал в императорскую миссию одного из секретарей Цзун-ли-Ямыня (Цзун-ли-Ямынь — внешнеполитическое ведомство, созданное для вступления Китая в дипломатические отношения с зарубежными государствами [Самойлов 2008: 32]), пользующегося доверием князя Цина, я поручил ему передать от моего имени князю, что как представитель державы, несколько не заинтересованной в миссионерских делах и вполне дружественно относящейся к Китаю...» [Красный архив 1926: 10]. В этих текстах употребление китаизмов также отличается строгой терминологичностью.

Художественная литература также может служить источником заимствования ОПЛ из китайского языка. Китайская тематика, как известно, вызывает устойчивый интерес не только ученых и публицистов, но и беллетристов (ср., например, цикл «китайских» песен В. С. Высоцкого). Так, безэквивалентная лексическая единица *ямынь* восемь раз упомянута в монографии известного писателя и ученого — исследователя Центральной Азии В. А. Обручьева «От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай», где дана ее семантизация, ср.: «*Монгольский город... состоял... из ямыней, т. е. китайских присутственных мест...*» (В. А. Обручьев. От Кяхты до Кульджи. Путешествие в Центральную Азию и Китай (1940)) [НКРЯ]. Это слово присутствует также в его приключенческой повести «В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя)», где дается подробное описание внешнего вида данного учреждения: «...*Ямынь* был огорожен низкой стеной с широкими воротами, вернее разрывом, впереди которого на небольшом расстоянии тянулась стенка с изображенным на ней в красках фантастическим дра-

коном, как это принято у въезда в *китайский ямынь* (В. А. Обручьев. В дебрях Центральной Азии (1951)) [НКРЯ]. Приведенный контекст иллюстрирует типичный способ представления денотативной безэквивалентной лексики в художественных текстах. Ср. также случай использования деривата *маоцзедуновка* в «Дневнике» Ю. Нагибина: *Противником нашего бойца выступает некто узкоглазый в маоцзедуновке* [Юрий Нагибин 1996: 322].

Иначе используются китаизмы с денотативной семантикой в сатирической поэзии В. Высоцкого. В его стихотворении «Мао Цзэдун — большой шалун» (1967), например, семантика слова *дацзыбао* дополнена коннотативной экспрессивно-неодобрительной семой для выражения отрицательного отношения к Культурной революции (1966—1976), руководившейся Мао Цзэдуном и наносившей большой вред китайскому и мировому сообществу: «...*А кто не читит цитат, тот — ренегат и гад, — / Тому на заднице наклеим дацзыбао! / Кто с Мао вступит в спор, тому дадут отпор / Его супруга вместе с другом Линем Бяо...*» [Владимир Высоцкий 1967].

Особого внимания заслуживают произведения переводной китайской литературы, в которых нередко употребляются китаизмы, в том числе с экзотической семантикой. После того как в 2012 г. китайский писатель Мо Янь стал лауреатом Нобелевской премии по литературе, он завоевал популярность и в России. Многие его произведения переведены на русский язык, самым известным среди них является роман «Большая грудь, широкий зад»; это описание истории Китая XX в., и в нем встречаются такие слова китайского происхождения, как *Гоминьдан*, *хунвэйбин(ы)*, *хунвэйбинский*, *цзаофани*, *ямынь* и нек. др. [Мо Янь 2013].

При исследовании особенностей функционирования ОПЛ китайского происхождения в русском языке большое внимание уделяется публицистическим дискуссиям, где наиболее заметно оценочное отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая. Важно отметить, что в семантике некоторых из этих лексем (*хунвэйбин(ы)*, *цзаофани*, *хунхуз(ы)*) уже содержатся оценочные компоненты, выражающие отношение к называемому денотату, ср.: *хунхуз* — «*участник вооруженных банд, действовавших в Маньчжурии с середины 19 в. до победы революции в Китае (1949 г.)*» [ТСИС-2006: 865]. В связи с малоизвестностью денотата подобные заимствования могут использоваться в экспрессивно-синонимическом сопровождении. Так, на-

пример, в статье «Китайские хунхузы: как они зверствовали в России» к слову *хунхуз* добавлено исконное русское слово *разбойник*: *Банды китайских разбойников-хунхузов больше полувека были головной болью для российского правительства на Дальнем Востоке* [Тимур Сагдиев 2019].

Оценочное отношение к денотату может быть выражено с помощью словообразовательных аффиксов. В частности, такие слова, как *маоцзэдунщина*, *хунве(э)йбинщина*, *гоминьдановщина* образованы посредством суффикса *-щина*, который выражает неодобрительное отношение говорящего к называемому явлению. Так, например, на политическом форуме «Восточное полушарие» находим комментарий, в котором использован оценочный дериват *маоцзэдунщина*, прямо выражающий критическое отношение автора к маоизму: *...Человек, не стесняясь говорит правду любому режиму. В том числе и достойно и активно критиковала и коммунизм, и китайскую самоценную маоцзэдунщину* [Анатолий Солнцев 2007].

В ряде случаев некоторые единицы ОПЛ китайского происхождения могут получать оценочные или экспрессивно-оценочные семы благодаря средствам контекста. Для обозначения таких компонентов значения в лингвистике существует термин «наведенная коннотация» [Стернин 1985: 102]. На политическом форуме «Politforums.net» приведена реплика, называющая социализм прямым путем к разрухе; последующий комментарий к ней содержит безоценочный дериват от имени собственного Дэн Сяопин, получившей оценочную сему в контексте, ср.: *Два примера: — сталинский СССР и пост-дэнсяопинский Китай опровергают эти фантазии* [kroser8 2013]. В данном случае семантика глагола *опровергать* и существительного *фантазия* помогает безошибочно понять позитивное отношение говорящего к *пост-дэнсяопинскому Китаю*, успешно реализующему политику реформ и открытости.

Подведем итоги исследования. Комплексный анализ выявленной нами ОПЛ китайского происхождения в русском языке (28 заимствований и 56 их дериватов) позволяет сделать следующие выводы:

1) китайские слова заимствуются русским языком преимущественно путем транскрипции и претерпевают формальную адаптацию на разных языковых уровнях (фонетическом, графическом и грамматическом);

2) на разных этапах семантической адаптации исходное значение заимствуемой лексической единицы может подвергнуться различным трансформациям, вплоть до развития нового значения (в частности, в резуль-

тате метонимического или метафорического переноса);

3) важным свидетельством активного вхождения лексических единиц китайского происхождения в русский язык является реализация их деривационного потенциала, которая обусловлена в первую очередь актуальностью обозначаемой общественно-политической реалии Китая;

4) китайские общественно-политические слова функционируют в разных сферах русскоязычной коммуникации; большая их часть употребляется в прямом значении, в ряде случаев получая свойства термина. Тем не менее в публицистическом дискурсе эта лексика способна отражать отношение носителей русского языка к общественно-политическим реалиям Китая, в том числе с помощью словообразовательных аффиксов с оценочной коннотацией и средств контекста.

Не подлежит сомнению, что количество обнаруженных нами китайских заимствований с общественно-политической семантикой будет постоянно увеличиваться, ввиду того что в последние годы, по словам Президента РФ В. В. Путина, «отношения между Россией и Китаем достигли без преувеличения беспрецедентного уровня» [Путин 2019].

ИСТОЧНИКИ

1. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Властная идейная трансформация: исторический опыт и типология. — М.: Научный эксперт, 2011. 342 с.
2. Виртуальный Брест. «Признание в любви прямо на магазине в формате дацзыбао» [Электронный ресурс]. URL: <http://virtualbrest.by/news47225.php> (дата обращения: 22.06.2019).
3. Высоцкий Владимир. Мао Цзедун — большой шалун [Электронный ресурс]. URL: <https://rupoem.ru/vysotskiy/mao-czedun-bolshoj-shalun.aspx> (дата обращения: 22.06.2019).
4. Грамота.ру. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/> (дата обращения: 22.06.2019).
5. Косырев Дмитрий. Сто лиц китайской «культурной революции» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20110516/375314630.html> (дата обращения: 22.06.2019).
6. Красный архив: исторический журнал. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. Т. 1 (14). С. 8—10.
7. Меликсетова А. В. История Китая. — М.: Изд-во МГУ: Изд-во «Высшая школа», 2002. 736 с.
8. Мо Янь. Большая грудь, широкий зад / пер. с кит., примеч. И. А. Егорова. — СПб.: Амфора, 2013. 832 с.
9. Нагибин Юрий. Дневник. — М.: ПИК, 1996. 616 с.
10. НКРЯ = Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.06.2019).
11. Путин В. В. «Путин заявил о достижении беспрецедентного уровня отношений России и Китая» [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20190605/1555283145.html> (дата обращения: 22.06.2019).
12. Ростовцев Александр. «Дацзыбао по Крыму» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.politnavigator.net/daczzyba-o-ro-krymu.html> (дата обращения: 22.06.2019).
13. Самойлов Н. А. Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. 2008. Т. 7. Вып. 4: Востоковедение. С. 32—37.

14. Солнцев Анатолий. Комментарий на тему «Япония против Коммунизма» [Электронный ресурс]. URL: <http://polusha.gie.com/index.php?topic=73865.0> (дата обращения: 22.06.2019).

15. Тимур Сагдиев. Китайские хунхузы: как они зверствовали в России [Электронный ресурс]. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/83993-kitayskie-khunkhuzy-kak-oni-zverstvovava.html> (дата обращения: 22.06.2019).

16. Усов В. Н. Советская разведка в Китае в 20-е годы XX века. — М.: Дом Конфуция, 2011. 382 с.

17. Aurelian1988. Комментарий на «Некультурные „Культурные пассажиры“» [Электронный ресурс]. URL: https://pikabu.ru/story/nekulturnyiequotkulturnyie_passazhiryquot_4952700 (дата обращения: 22.06.2019).

18. kros8. Комментарий на «Мадуро добивает экономику Венесуэлы» [Электронный ресурс]. URL: https://www.politforum.net/world/1370583476_2.html (дата обращения: 22.06.2019).

ЛИТЕРАТУРА

19. Бельчиков Ю. А. Интернациональная терминология в русском языке. — М.: Гос. учеб.-пед. изд-во, 1956. 80 с.

20. Гиляхетдинова Г. Х. Ориентализмы в русском языке Московского государства XV—XVIII вв. — Казань: Казан. ун-т, 2010. 200 с.

21. Маринова Е. В. Иноязычная лексика современного русского языка. — М.: Наука, 2012. 293 с.

22. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. — М.: Наука, 1980. 783 с.

23. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 170 с.

24. Суперанская А. В. Теоретические основы практической транскрипции. — М.: Наука, 1978. 283 с.

25. БРЭ = Большая Российская энциклопедия. Т. 16: Крещение Господне — Ласточкины / [отв. ред. С. Л. Кравец]. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2010. 751 с.

26. НСИС-2003 = Новый словарь иностранных слов. — М.: Азбуковник, 2003. 783 с.

27. НСИСиВ-2003 = Новейший словарь иностранных слов и выражений. — М.: Современный литератор, 2003. 976 с.

28. СИС-1933 = Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык. — М.: Советская энциклопедия, 1933. 1502 с.

29. ССИРЯ-2010 = Словарь собственных имен русского языка. — М.: Мир и образование, 2010. 877 с.

30. ТСИС-2006 = Толковый словарь иноязычных слов. — М.: Эксмо, 2006. 940 с.

31. Языкознание: большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. 682 с.

Li Siqi

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

ORCID ID: 0000-0002-1438-5306

 E-mail: sytsil@mail.ru.

Socio-political Words of Chinese Origin in Russian

ABSTRACT. *The article is devoted to the study of semantic features and derivational potential of socio-political words of Chinese origin, as well as the peculiarities of their functioning in the Russian language. The study describes 28 loanwords with socio-political semantics, which are recorded in the Russian dictionaries and used on the Internet. The research method is based on the functional approach to linguistic units focusing on their comprehension and systematization via a combination of semasiological (from the form to the meaning) and onomasiological (from the meaning to the function) analyses. The first kind of analysis is used at the initial, structural-semantic stage of investigation of derivatives; the second one is carried out while studying their functioning in the Russian language. In addition to purely linguistic methods, the article employs a quantitative one. The author has worked out a semantic classification of socio-political words borrowed into the Russian language from Chinese. The article analyzes the specificity of adaptation of these lexical units on various linguistic levels: phonetic, semantic and derivational. It has been found that 56 derivatives are formed in the modern Russian language on the basis of these lexemes. The article characterizes their derivational structure and semantics. It is stressed that the realization of the derivational potential of loanwords is associated with the urgency of the Chinese socio-political phenomenon for the Russian-speaking community. Thus, it has turned out that the personal name of Mao Zedong has the highest derivational capacity (20 derivatives). In addition, the author analyzes the specific features of functioning of socio-political words of Chinese origin in different areas of communication – the majority of them are used in their direct meanings; in some cases they develop a terminological flavor. Nevertheless, in publicist discourse, these words are capable of reflecting the attitude of Russian speakers to the socio-political phenomena of China.*

KEYWORDS: *socio-political words; Russian; Chinese; Chinese borrowings; lexical semantics; borrowing of words; functional dynamism; loanwords; foreign words; borrowed words.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Li Siqi, Post-graduate Student, Department of Russian as a Foreign Language, Institute of Philology and Intercultural Communication, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia.*

FOR CITATION: *Li, Siqi. Socio-political Words of Chinese Origin in Russian / Li Siqi // Political Linguistics. — 2019. — No 6 (78). — P. 205-213. — DOI 10.26170/pl19-06-26.*

MATERIALS

1. Aleksandr Rostovtsev. Article "Dazibao in the Crimea" [Electronic resource]. [Stat'ia «Datszybao po Krymu»]. URL: <https://www.politnavigator.net/daczzybao-po-krymu.html> (date of access: 22.06.2019).

2. Anatolii Solntsev. Comment on "Japan vs Communism" [Electronic resource]. [Kommentarii na temu «Iaponiia protiv Kommunizma»]. URL: <http://polusharie.com/index.php?topic=73865.0> (date of access: 22.06.2019).

3. Bagdasarian V. E., Sulakshin S. S. Powerful ideological transformation: historical experience and typology — Moscow, Scientific expert, 2011, 342 p. [Vlastnaia ideinaia transformatsiia: istoricheskii opyt i tipologiiia. — M.: Nauchnyi ekspert, 2011. 342 s.]. — (In Rus.)

4. Virtual'nyi brest. Article "Declaration of love right on the store in the format Dazibao" [Electronic resource]. [Stat'ia «Priznanie v liubiv priamo na magazine v formate datszybao»]. URL: <http://virtualbrest.by/news47225.php> (date of access: 22.06.2019).

5. Vladimir Vysotskii. Poem "Mao Zedong — big naughty" [Electronic resource]. [Stikhotvorenie «Mao Tzedun — bol'shoi shalun»]. URL: <https://rupoem.ru/vysotskiy/mao-czedun-bolshoj-shalun.aspx> (date of access: 22.06.2019).

6. Gramota. Ru. [Electronic resource]. URL: <http://gramota.ru/> (date of access: 22.06.2019).

7. Dmitrii Kosyrev. Article "Hundred persons of the Chinese" cultural revolution" [Electronic resource]. [Stat'ia «Sto lits

kitaiskoi "kul'turnoi revoliutsii"»]. URL: <https://ria.ru/20110516/375314630.html> (date of access: 22.06.2019).

8. Red archive: historical journal // Moscow and Leningrad: State Publishing House, 1926. №. 1(14). pp. 8—10. [Krasnyi arkhiv: istoricheskii zhurnal // M. i Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo. 1926. T. 1(14). S. 8—10.]. — (In Rus.)

9. Meliksetova A. V. History of China — Moscow, Moscow State University Publishing House, Higher School Publishing House, 2002. 736 p. [Istoriia Kitaia. — M.: Izd-vo MGU, Izd-vo «Vysshiaia shkola», 2002. 736 s.]. — (In Rus.)

10. Mo Yan, translation from Chinese, with note I. A. Egorova, Big breasts wide ass — St. Petersburg, Amphora, 2013. 832 p. [Mo Ian', per. s kit., primech. I. A. Egorova, Bol'shaia grud' shirokii zad — SPb.: Amfora, 2013. 832 s.]. — (In Rus.)

11. NKRlA: National Corpus of the Russian language [Electronic resource]. [Natsional'nyi korpus russkogo iazyka.]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (date of access: 22.06.2019).

12. Putin V. V. "Putin announced the achievement of an unprecedented level of relations between Russia and China" RIA News [Electronic resource]. [«Putin zaiavil o dostizhenii besprezidentnogo urovnia otnoshenii Rossii i Kitaia» // RIA Novosti]. URL: <https://ria.ru/20190605/1555283145.html> (date of access: 22.06.2019).

13. Samoilov N. A. The role of Qing diplomats in the political and cultural interaction of China with Europe and Russia (second half of the XIX century) // Bulletin of Novosibirsk State University, Vol. 7, Issue 4: Oriental Studies. pp.32-37. [Rol' tsinskikh diplomatov v politicheskom i kul'turnom vzaimodeistvii Kitaia s Evropoi i Rossiei (2-ia polovina XIX veka) // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. 2008. T.7, vyp.4: Vostokovedenie. S.32-37.]. — (In Rus.)

14. Timur Sagdiev. Article "Chinese hunhuzy: how they committed atrocities in Russia" [Electronic resource]. [Stat'ia «Kitaiskie khunkhuzy: kak oni zverstvovali v Rossii»]. URL: <https://cyrillitsa.ru/narody/83993-kitayskie-khunkhuzy-kak-oni-zverstvova.html> (date of access: 22.06.2019).

15. Usov V. N. Soviet intelligence in China in the 20s of the XX century. — Moscow, Confucius House, 2011. 382 p. [Sovetskaia razvedka v Kitae v 20-e gody XX veka. — M.: Dom Konfutsiia, 2011. 382 s.]. — (In Rus.)

16. Iurii Nagibin. Diary — Moscow, PIK, 1996. 616 p. [Dnevnik. — M.: PIK, 1996. 616 s.]. — (In Rus.)

17. Aurelian1988. Commentary on "Uncultured Cultural Passengers" [Electronic resource]. [Kommentarii na «Nekul'turnye "Kul'turnye passazhiry" »]. URL: https://pikabu.ru/story/nekul'turnyequotkulturnye_passazhiryquot_4952700 (date of access: 22.06.2019).

18. kros8. Comment on "Wisely finishes the Venezuela's economy" [Electronic resource]. [Kommentarii na «Mudro dobivaet ekonomiku Venesuely»]. URL: https://www.politforums.net/world/1d370583476_2.html (date of access: 22.06.2019). — (In Rus.)

REFERENCES

19. Bel'chikov Yu. A. International terminology in Russian. — Moscow, State educational and pedagogical publishing house, 1956. 80 p. [Internatsional'naya terminologiya v russkom yazyke. — M.: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo, 1956. 80 s.]. — (In Rus.)

20. Gilakhetdinova G. Kh. Orientalism in the Russian language of the Moscow state of the XV — XVIII centuries. — Kazan, Kazan University, 2010. 200 p. [Orientalizmy v russkom yazyke Moskovskogo gosudarstva XV — XVIII vv. — Kazan: Kazan. un-t, 2010. 200 s.]. — (In Rus.)

21. Marinova E. V. Loan words in modern Russian. — Moscow, Science, 2012. 93 p. [Inoyazychnaya leksika sovremennogo russkogo yazyka — M.: Nauka, 2012. 293s.]. — (In Rus.)

22. Russian grammar T. 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology. — Moscow, Science, 1980. 783 p. [Russkaia grammatika T. 1. Fonetika. Fonologiya. Udaerenie. Intonatsiia. Slovoobrazovanie. Morfologiya. — M.: Nauka, 1980. 783 s.]. — (In Rus.)

23. Sternin I. A. The lexical meaning of the word in speech. — Voronezh, Voronezh University Publishing House, 1985. 170 p. [Leksicheskoe znachenie slova v rechi. — Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 1985. 170 s.]. — (In Rus.)

24. Superanskaia A. V. Theoretical foundations of practical transcription — Moscow, Science, 1978. 283 p. [Teoreticheskie osnovy prakticheskoi transkripsii. — M.: Nauka, 1978. 283 s.]. — (In Rus.)

25. BRE: Great Russian Encyclopedia. T. 16: Kreshchenie Gospodne — Lastochkovye — Moscow, Great Russian Encyclopedia, 2010, 751 p. [Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia. 15: Kongo — Kreshchenie / (otv. red. S. L. Kravets). — M.: Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 2010. 751 s.]. — (In Rus.)

26. NSIS-2003: New dictionary of foreign words — Moscow, Alphabet book, 2003. 783 p. [Novyi slovar' inostrannykh slov. — M.: Azbukovnik, 2003. 783 s.]. — (In Rus.)

27. NSISiV-2003: The newest dictionary of foreign words and expressions — Moscow, Modern writer, 2003. 976 p. [Noveishii slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii. — M.: Sovremennyi literator, 2003. 976 s.]. — (In Rus.)

28. SIS-1933: Dictionary of foreign words in the Russian language — Moscow, Soviet encyclopedia, 1993. 1502 p. [Slovar' inostrannykh slov, voshedshikh v russkii iazyk. — M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1933. 1502 s.]. — (In Rus.)

29. SSIRIa-2010: Dictionary of Russian Proper Names — Moscow, World and Education, 2010. 877 p. [Slovar' sobstvennykh imen russkogo iazyka. — M.: Mir i Obrazovanie. 2010. 877 s.]. — (In Rus.)

30. TSIS-2006: Explanatory dictionary of foreign words — Moscow, Eksmo, 2006. 877 p. [Tolkovyi slovar' inoazychnykh slov. — M.: Eksmo, 2006. 940 s.]. — (In Rus.)

31. Iazykoznanie: Linguistics — Big Encyclopedic Dictionary — Moscow, Great Russian Encyclopedia, 1998. 682 p. [Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' / Gl. red. V. N. Iartseva. — M.: Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia, 1998. 682 s.]. — (In Rus.)